

**ЛУЧШИЕ
БИОГРАФИИ**

**АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ**

**Я ТЕБЯ НИКОГДА
НЕ ЗАБУДУ**

**Феликс
Медведев**

Лучшие биографии

Феликс Медведев

**Вознесенский. Я тебя
никогда не забуду**

«Алисторус»

2011

Медведев Ф. Н.

Вознесенский. Я тебя никогда не забуду / Ф. Н. Медведев —
«Алисторус», 2011 — (Лучшие биографии)

Андрей Вознесенский – знаковая фигура минувшего века. Вместе с Беллой Ахмадулиной, Евгением Евтушенко он принадлежал к поколению «шестидесятников», свершивших революцию в нашей поэзии. Им увлекались тысячи и тысячи, он влиял на умы молодежи своего времени. Однако мало кто знает, что по профессии он – архитектор, а вот строил поэтические дворцы. Известный журналист Феликс Медведев, близко знавший поэта как человека, был биографом поэта. Он организовывал творческие вечера Вознесенского в разных городах страны, публиковал интервью с ним, даже редактировал одну из его книг. Их творческие пути пересекались в «авоське меридианов и широт»: и тот, и другой общались с Артуром Миллером и Жаклин Кеннеди, Куртом Воннегутом и Ниной Берберовой, Борисом Гребенщиковым и Гором Видалом, Идой Шагал и Натали Саррот... Последнее интервью Феликс Медведев сделал незадолго до смерти Андрея Вознесенского – магнитофонная запись стала уникальной: тихий голос уходящего в вечность поэта едва различим... Эта книга открывает читателю Вознесенского как поэта и человека с неожиданных сторон.

© Медведев Ф. Н., 2011

© Алисторус, 2011

Содержание

Мой Вознесенский	5
Стихи, любовь и ракеты	6
Как первая любовь – навсегда	10
Рассказывал про орущего Никиту...	15
Наши дороги пересекались в Киржаче и Кургане	16
«Спасибо, что не забыл и меня...»	21
Кусок решетки-святыни, спасенной поэтом	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Феликс Медведев Андрей Вознесенский. «Я тебя никогда не забуду»

Мой Вознесенский *Вместо предисловия*

4 июня 2010 года, вернувшись с похорон Андрея Вознесенского, я понял, что должен написать книгу. Книгу не о нем и не о его стихах, а о своей любви к нему и к его стихам. О том, что я благодарен поэту за многое: за то, что помогал мне, начинающему стихотворцу, ставить голос, советовал, как жить и писать, как чувствовать и понимать эпоху, рассказывал о своих встречах с Пастернаком и Ахматовой, Крученых и Лилей Брик, с западными мэтрами литературы и искусства, знакомил меня с кем-то из них... Говоря высоким слогом, Андрей Вознесенский был частью моего человеческого существования, моей жизни. Думаю, он это понимал, ибо я всегда ощущал ответные дружеские порывы.

Может быть, кому-то из читателей покажется, что в книге слишком много «меня», дескать, «Я и Вознесенский»? Отчасти это так. Только точнее «наоборотное» – «Вознесенский и я». Мне было не интересно, да и не нужно использовать чужие сюжеты, эпизоды, эмоции, воспоминательные мотивы, не связанные с нашими с Андреем пересечениями. Своего материала оказалось более чем достаточно – начиная с конца 50-х годов прошлого века я трепетно, почти фанатически, собирал все, что публиковалось о Вознесенском в печати, нередко мы оказывались в общих творческих поездках, вместе работали над материалами для «Огонька» в перестроечные годы... И еще – личная переписка, теплые, не «дежурные», дарственные надписи на книгах, сделанные в связи с определенными ситуациями, случаями, сохранившимися в памяти.

Перед вами книга, которую сам я мысленно называю «Мой Вознесенский».

Москва, XX век

Дорогой Феликс, я очень тебя люблю, желаю тебе полета – отчаянного и счастливого, чтобы не третья осень, а по 33 осени сливались в одну – такой скорости и напряжения жизни и таланта.

Андрей Вознесенский. «Антимиры», «Молодая гвардия», 1964

Дорогому Феликсу – его яркости, с давней, еще владимирской дружбой.

Андрей Вознесенский. «Аксиома самоиска», «ИКПА», 1990

Из дарственных надписей Андрея Вознесенского автору книги

Стихи, любовь и ракеты

Ее звали София. То есть Софи и я. Я и Софи.

Я увидел ее со второго этажа кирпичной казармы, построенной немцами в Первую мировую войну. Это было в расположении войсковой части № 33..., где я проходил срочную военную службу. Секретная ракетная часть находилась на границе с Польшей, в местечке Дантау, получасе езды от городка Багратионовск, в прошлые века именовавшегося Прейсиш-Эйлау. Здесь в 1807 году произошло самое кровопролитное, как считают историки, сражение между русской и французской армиями.

В угорелые хрущевско-шестидесятые наши ракеты в случае неожиданного нападения противника должны были нанести ему сокрушительный ответный удар. В мощном железобетонном механизме я числился малюсеньким винтиком в должности писаря штабного дивизиона. Теплое писарское дело мне поручили сразу же по прибытии в часть. Еще бы – в сопроводительных райвоенкоматовских бумагах значилось, что до призыва я работал корреспондентом петушинской районной газеты «Вперед к коммунизму». Вот и стал я по службе штабной крысой. Сослуживцы завидовали, ревновали, подначивали и готовы были от зависти надавать мне тумаков. Но вскоре ребята поняли, что я нормальный парень, готовый нарушить устав в пользу той или иной для них услуги. Ведь солдатская доля нелегка.

Функции мои были просты и понятны, как дважды два четыре. Весь служивый день я стучал на раздолбанной пишущей машинке: фамилии, имена, должности, количество использованного ГСМ (для несведущих – горюче-смазочного материала), наличие лопат, наволочек, рукавиц... Одним словом, всего того, что составляло имущество боевого подразделения. Каждая портянка была на счету – Куба, ракеты, дипломатическая грызня со Штатами... Никита уже грохнул тяжелым ботинком по трибуне ООН...

На дворе стоял ноябрь 1961 года. Мне исполнилось двадцать лет.

Итак, звали ее София...

В свой девятый класс она ходила напрямик мимо гарнизонных казарм. Нам, только что призванным, это казалось странным – на политзанятиях то и дело талдычили, чтобы мы при случае ни гугу, никому, ни единой душой: сколько у нас полевых котелков, пусковых установок, единиц бронетехники.

А тут – гражданское лицо, хоть и школьно-девичьего пола, два раза в день вышагивает себе, помахивая портфельчиком перед застывшим в напряжении контингентом.

Однажды мне надоела эта невыносимая экзекуция. От румяной нимфетки (впрочем, тогда этого слова никто не знал – набоковская «Лолита» придет к нам еще не скоро) можно было сойти с ума. Что и делали все триста ратников дивизиона, красавцы-парни, владимирские, смоленские, курские, говорившие на «о» и на «гх», сильные, здоровые, решительные. И не выдержать бы мне конкуренции в борьбе за Софи, если бы не одно, я бы сказал, легкомысленное обстоятельство, давшее мне решительное преимущество перед остальными: я очень любил поэзию, сам кропал в блокнот, но главным моим козырем оказалась безумная страсть к стихам Андрея Вознесенского, самой яркой звезды тогдашней молодой литературы. Я знал наизусть два его вышедших сборника – «Мозаику» и «Параболу», познакомился с ним лично, мы переписывались.

По Суздалю, по Суздалю
Сосулек, смальт —
Авоською с посудой
Несется март!

И колокол над рынком
Болтается серьгой.
Колхозницы, как крынки —
В машине грузовой!

Фейерверк слов и образов! Неповторимо!

... Но вдруг из электрички,
Ошеломив вагон,
Ты чище Беатриче
Сбегаешь на перрон.

Как эти строки отличались от всего, что печаталось тогда в журналах и газетах!

... Так вот, набравшись однажды мужества, я выскочил из столовки (на часах было ровно 8.30, юная особа, как всегда, шествовала на урок) и предстал перед ясными очами местного ангела. Вдохнув в легкие как можно больше воздуха, я по-армейски отрапортовал, что меня зовут «Феликс» и служу я в этой части. Ради красного словца назвался москвичом, хотя призывался Петушинским военкоматом Владимирской области. Я понимал, что географическая обманка может повысить мои акции – москвич есть москвич (впрочем, я не очень покривил душой, ведь родился в Москве и раннее детство провел в семье деда, известного в столице врача Золтана Партоша, венгра, приехавшего в начале двадцатых в Россию в эмигрантском вагоне). Добавил, что пишу стихи и очень люблю Андрея Вознесенского, хотя сказать «люблю» было мало: я бредил его творчеством, его именем, как говорится, вставал и ложился с его стихами...

Девушка, надо сказать, нисколько не смутилась от наскока совершенно незнакомого ей молодого человека, легко приняла мой вызов и произнесла: «Очень приятно. Я тоже люблю поэзию, и, вы знаете, наши вкусы совпадают, мне тоже очень нравятся стихи Андрея Вознесенского. И многие знаю наизусть. Например, вот это:

О, девчонка с мандолиной!
Одурая и жуя,
Полыхает мандарином
Рыжей челки кожура!

Расшалилась, точно школьница,
Иголочки грызет... —

продолжил я.

Что хочется, чем колется
Ей следующий год? —

перебил меня ангел.

И вдруг это небесное создание, нисколько не смущаясь, продекламировало:

О, елочное буйство,
Как женщина впотьмах —
Вся в будущем, как в бусах,
И иглы на губах!

Я застыл в изумлении: эти дерзкие строки произнесла будто не девочка с портфельчиком, а вполне взрослая женщина, уже испытывавшая любовную страсть.

На секунду мы замолчали. Девушка протянула ручку: «Извините, меня зовут Софа, София». И взглянув на маленькие наручные часики, добавила: «Не пропустить бы тригонометрию, хотя я ее так не люблю...»

А дальше? Дальше была сказка, волшебная сказка о любви. И о любви к поэзии Андрея Вознесенского.

Раз, а то и два в неделю я вымаливал у своего начальника лейтенанта Гунина увольнительную (их к концу службы у меня набралось штук сто) и летел над брусчатой мостовой, соединяющей часть с кварталом офицерских домов. Завидев меня из окна своей комнатки, Софи выпархивала навстречу, и мы уходили подальше от людских глаз. Гуляли, целовались (знал бы об этом ее отец, полковник, командир соседней части, он бы, наверное, меня застрелил) и без конца читали друг другу стихи...

Я:

Выходит замуж молодость
Не за кого – за что,
Себя ломает молодость
За модное манто.

За золотые горы
И в серебре виски.
Эх, да по фарфору
Ходят сапоги!

Она:

Душа моя, мой звереныш,
Меж городских кулис
Щенком с обрывком веревки
Ты носишься и скулишь...

Я:

О две параллели,
Назло теореме
Скращенных в Ирене!

Мы соревновались друг с другом: кто больше помнит Вознесенского, спорили о той или иной строке, раскладывали по полочкам тот или иной образ.

Я Мерлин, Мерлин, я героиня
Самоубийства и героя...
Кому горят мои георгины?
С кем телефоны заговорили?
Кто в костюмерной скрипит лосиной
Невыносимо... —

читала она.

Невыносимо, что не влюбиться,
Невыносимо без рощ осиновых,
Невыносимо самоубийство,
Но жить гораздо невыносимей! —

продолжал я.

Вокруг ни души. Сквозь березовые ветви мягкую поляну пронизывали ласковые солнечные лучи. В те мгновения я был самым счастливым человеком... во всей округе.

Так поэзия Вознесенского и горячечные встречи с его юной поклонницей скрасили три года моей армейской службы.

На прощание в сентябре 1964 года Софи подарила мне только что вышедший тогда сборник нашего с ней любимого поэта «Антимиры». Книжка сохранилась у меня до сих пор, вся зачитанная, замусоленная... Вот уже полвека стоит она на полке, храня сказочную ауру армейской молодости, воскрешая в памяти самое романтическое время моей жизни...

Как первая любовь – навсегда

Ностальгически оглядываюсь на годы, когда поэзия вызывала в обществе глубинно-духовный отклик, когда миллионы людей заполняли стадионы и площади. Народ слушал стихи и прислушивался к окружающему миру. Конец пятидесятых – начало шестидесятых. То была легендарная эпоха. Эпоха и Андрея Вознесенского, который своими первыми публикациями в «Литературной газете» в 1958 году, первой, умещавшейся на ладони тоненькой книжечкой, поверг читателей в шок:

Вздрогнут ветви и листья,
Только ахнет весь свет
От трехпалого свиста
Межпланетных ракет.

И свет ахнул: от дерзости, от напора, от экспрессии, от ослепительной яркости образов и метафор. Правда, по Москве давно гуляли слухи: есть юный стихотворец по фамилии Вознесенский, талантливый, как Маяковский, ходит к Пастернаку, и тот от него в восторге.

Я заболел стихами Вознесенского. То была воистину высокая болезнь. Школьник-рифмоплет, я не спал ночей, жаждал знакомства. И вот наши дороги пересеклись...

Жил я тогда с мамой и отчимом в городе Покрове ровно на полдороге между Москвой и Владимиром. Наш деревянный домишко стоял на окраине. В полукилометре лес. За ним два озера. Лет с пятнадцати меня потянуло к карандашу и бумаге. Часами ходил вокруг озер и бормотал, записывал, вдохновлялся и отправлял сочиненное в областные газеты «Сталинская смена» и «Призыв». Но что же дальше? И вдруг однажды (это было после окончания десятилетки) я вынул из почтового ящика письмо, которое оказалось приглашением участвовать в работе областного совещания молодых литераторов.

Через три дня вышел на Владимирку, в кармане сорок копеек. Поднял руку. Какой-то водитель из потока машин, едущих в сторону Владимира, сжалился над парнишкой и согласился довезти до облцентра.

Совещание проходило в торжественном зале то ли обкома партии, то ли обкома комсомола. На сцене восседали столичные писатели – Василий Федоров, Андрей Досталя, Дмитрий Стариков, приехавшие, чтобы выслушать наши выступления, оценить творческие потуги тридцати парней и девушек, местной молодой поросли.

Я читал стихотворение, сложившееся в моей тетрадке в те дни, а точнее, в тот месяц, который я проработал на стройке:

Рукавицы мои, рукавицы!
Я всегда буду вами гордиться!
Пусть вы грязные, пусть вы грубые,
Приложу к вам, хотите, губы я...

Показалось, что зал, и в особенности сидящие на сцене столичные гости, как-то притихли, замерли.

Началось обсуждение. Меня хвалили. Особенно тепло откликнулся на стихи молодой поэт из Москвы Андрей Вознесенский. Тот самый, две столичные публикации которого уже пронзили мою душу насквозь.

В перерыве он подозвал меня к себе, еще раз сказал добрые слова о «Рукавицах», протянул бумажку с телефоном и адресом: Верхняя Красносельская, 45, квартира 45: «Звони, приезжай...». До сих пор храню телефонную книжку той почти былинной поры.

... И я забываю о прочих именах и книгах... Ну с кем, право, можно было тогда сравнить Андрея Вознесенского – с Ошаниным, Асадовым, Островым?... Они, как и почти весь легион совпартлитературы, для меня уже не существовали. Конечно, где-то рядом, но как бы на другой планете, пребывали Пастернак и Ходасевич, Ахматова и Цветаева, Заболоцкий, Кузьмин, Клюев... Но они слишком далеко, да и книг их было не достать.

С годами, с взрослением, с познаванием иных «хороших и разных» имен в литературе Вознесенский для меня не уходил в тень, он, как первая любовь, не мог раствориться в других.

Одним из поэтических семинаров на том владимирском совещании руководил известный поэт Василий Федоров. Его заключительное слово о молодых, чьи стихи он услышал, вселило в меня надежду. Тем более что Василий Дмитриевич попросил текст стихотворения, прочитанного со сцены.

Прошло несколько месяцев. И вдруг однажды из редакции «Молодой гвардии» получаю телеграмму, извещающую о том, что мои стихи опубликованы в пятом номере за 1960 год. Помчался в Москву, нашел адрес журнала и получил заветный экземпляр «Молодой гвардии».

Перелистывая журнал в электричке на обратном пути домой, я увидел свое стихотворение с предисловием того самого Василия Федорова. Короткий текст заканчивался словами: «Так рождается поэт!»

Листаю дальше и не верю своим глазам! В этой же подборке под названием «Весенняя переключка поэтов», составителем которой и был Василий Федоров, вижу имя Андрея Вознесенского. Под одной обложкой моя проба пера и стихи моего кумира! Невероятно! Стихи Вознесенского предваряло размышление маститого пиита:

«Имя Андрея Вознесенского стало все чаще появляться в периодической печати. Критика заметила его сразу.

Одни приняли его безоговорочно, другие сдержанно. И то, и другое понятно. И достоинства, и недостатки проступили в его стихах ярко. Он талантлив и противоречив. Но не без посторонних влияний. Так в поэме «Мастера» вы почувствуете и Дм. Кедрину, и Ал. Блока. Ему близок не раздумчивый Блок, а экспрессивный, размашистый, гулевой Блок «Двенадцати». Но уже есть и свое:

И стоят возле клуба,
Описав полукруг,
Магелланы, Колумбы
Из Коломн и Калуг.

Иногда желая поразить наше воображение, он завернет что-нибудь смутное. «Я– Гойя!» Иногда с той же целью впадает в натурализм: подробно опишет культипки рук. Но все это болезнь роста. По образованию А. Вознесенский – архитектор. В его стихах мелькают имена известных и неизвестных художников и архитекторов, многие образы связаны с миром искусства.

Часто поэт оперировал готовыми ценностями, без серьезного обоснования провозглашал лозунг: «Долой Рафаэля, да здравствует Рубенс!»

Одним словом, многое вызывало тревогу за молодого поэта: куда он пойдет?

Теперь многое проясняется. Поэт идет к жизни. А. Вознесенский побывал в Сибири, которая обострила его взгляд, обогатила красками.

Он привез оттуда новые стихотворения, одно из которых мы напечатали. В нем еще сказалось желание поразить нас крайностями. Если уж нож, то непременно такой, который «по ночам ненавидит живых».

Поклонник живописи, он заявляет: «Мне нужнее мешок, чем холстина картин».

Важно не это, с картинами он еще помирится. Важно нечто новое, увиденное им:

«Нет» – слезам.

«Да» – мужским продубленным рукам,

«Да» девочкам разбойным,

купающим «МАЗ», как коня.

«Да» – брандспойтам,

сбивающим горе с меня!

Помня о том, что 12 мая у Вознесенского день рождения (ему исполнилось тогда 27), я отправил телеграмму, в которой поздравил его и выразил восторг, что наши с ним стихи стоят рядом. В ответ получил следующее послание:

«Москва 5. VI. 1960

Феликс, милый!

Прости, что не ответил тебе. Меня не было в Москве. Страшно рад твоей телеграмме, письму, рад, рад за тебя – что ты такой талантливый, смелый и, наконец, тому, что мы соседи по молодогвардейскому «Весеннему дню поэзии»...

Зачем ты принимаешь к сердцу чьи-то занозы, что «подражаешь Вознесенскому», Здесь дело не в «Вознесенском», а в новых путях поэзии, в поисках, в атомном веке, да и в молодости, наконец.

Желаю тебе счастья, стихов, дерзости. Напиши мне. Жми на все педали!

Андрей Вознесенский».

Незадолго до этого мой отчим, председатель колхоза, будучи на очередном «кукурузном» совещании в облцентре, купил в газетном киоске первую книгу Вознесенского «Мозаика», вышедшую во Владимирском издательстве. Притягательная желтоватая обложка, портрет автора работы тоже только что ставшего известным художника Ильи Глазунова. Тоненькая, легкая, трепетная книжечка...

«В природе по смете отсутствует точка. Мы будем бессмертны. И это точно», «Мое призвание не тайна. Я верен участи своей. Я высшей музыкою стану, – теплом и светом для людей», – пророчествовал молодой поэт.

В магазинах «Мозаику» раскупили мгновенно, и она побила все рекорды «черного» книжного рынка, к которому вплоть до горбачевской свободы припадали, точно к освежительному ручью, те, кто не довольствовался отцензурированным печатным словом. Рублевый ее номинал был превышен в десятки, а позднее и в сотни раз. Между прочим, «Мозаика» при тираже в пять тысяч и сегодня считается большой библиографической редкостью, попробуйте найти – устанете! Впрочем, год назад в букинистическом магазине на Сретенке среди ранних сборников Ирины Одоевцевой, Валерия Брюсова, Анны Ахматовой я вдруг увидел «Мозаику». Прекрасный экземпляр в своей обложке. Посмотрел на цену: 35 тысяч рублей. Что ж, по нашим временам немалые деньги! Хотя сейчас, после смерти великого поэта, мне кажется, невозможно определить подлинную цену этого раритета.

Кстати, хочу обозначить выходные данные книги: редактор К. И. Афанасьева, художник Н. Ф. Тарасенко. Сдано в набор 22 января 1960 года, подписано в печать 8 февраля 1960 года. Тираж 5000 экземпляров. Цена 1 рубль.

Надо сказать, что за некоторые строфы, показавшиеся партначальству слишком смелыми, редактора книги Капитолину Афанасьеву сняли с работы. Вообще в связи с «Мозаикой» имя провинциального издателя стало почти легендой. В свое время «Комсомольская правда» посвятила ее судьбе две полосы, а сам Вознесенский рассказал о Капитолине в прозаической главе «О», вошедшей в его трехтомник. Заканчивается глава молитвенным обращением автора: «Прости меня, Капа!»

Не могу не вспомнить свое общение с Афанасьевой в связи с выходом во Владимирском издательстве литературно-художественного альманаха «Пробный камень», куда вошли и мои стихи. Чуть позже после моего задиристого выступления на областном совещании молодых писателей, о котором я уже рассказывал, редактор попросила прислать ей все, что я написал к тому времени. «Мы попробуем издать ваш сборник», – пообещала Капитолина Ивановна. Конечно, я быстро выполнил ее просьбу. Но книжка не вышла: издательство сочло нужным отметить и других участников того совещания, издав общий сборник молодых поэтов, в который вошли и мои стихи.

Я запомнил Капитолину Ивановну примерно такой же, какой описал ее Вознесенский в своих мемуарах: стройной и резкой, в простом незатейливом платье, с вечной папиросой во рту. Волосы закреплены в небрежный узел. Глаза ярко горели, когда она говорила о стихах молодых поэтов, цитировала любимые строчки классиков...

... Мне же очень хотелось получить автограф на первой книге Вознесенского. Поехал в Москву. Повезло, застал Андрея дома, в его небольшой квартирке рядом с Елоховским собором. Он совершенно не удивился, тепло принял гостя, стал рассказывать, чем занимается, что пишет. На стене висел его портрет работы Ильи Глазунова, тот самый, из «Мозаики».

– Это оригинал? – наивно спросил я.

– Да, мы общались с Ильей какое-то время, мне кажется, он интересный художник. И не простой, надо подождать, что с ним будет дальше. А нарисовал он меня довольно быстро, фактически за один сеанс. (Спустя много лет Илья Сергеевич Глазунов рассказал, как это было: «С Андреем я познакомился в 1959 году. В то время Андрей, как и я, был опальным. Я удивился, когда узнал, что первая его книга «Мозаика», для которой я сделал графический портрет, почему-то была издана в провинциальном Владимире. Естественно, я познакомился со стихами и почувствовал, что в его творчестве бьется муза поэзии»).

Вынимаю «Мозаику» и, немного стесняясь, протягиваю книгу. Андрей все понял, побежал за ручкой и своим размашистым «лебединым» почерком написал: «Дорогому Феликсу – его звонкому голосу, с пожеланием большого пути, с верой. Андрей Вознесенский. Москва». Кроме этого, со словами: «Тут кое-что надо поправить...» стал лихорадочно перелистывать сборник. На тридцать девятой странице, перечеркнув последние четыре строки стихотворения «Сидишь беременная, бледная...»:

И поворачиваясь к свету,
В ночном быту необжитом —
Как понимает их планета
Своим огромным животом,

он вписал:

И ослепительные сволочи
Сквозь них проносятся смеясь В рубашках пестрых,
В шляпах войлочных
И в джемпере —

как я
сейчас.

И как бы между прочим бросил: «Вначале я посвятил это стихотворение Евтушенко, а потом передумал...»

В отрывке из поэмы «Кто ты?» (кстати, по-видимому, так и не написанной, во всяком случае, в семитомном собрании сочинений она не значится) на странице 42 сделал еще одну правку, как мне кажется, примечательную: вместо слов «Я брожу с тобой, Верка, Вега!...» он написал: «Я люблю тебя, Верка, Вега!...».

В моем, безусловно, уникальном экземпляре «Мозаики» есть еще несколько правок автора. Коллекционеры-библиофилы, завидуйте!

При следующей нашей встрече через пару месяцев Вознесенский подписал мне только что вышедшую уже в столичном издательстве «Советский писатель» небольшого формата, девяностостраничную «Параболу»: «Моему Феликсу. А. Вознесенский. 1960».

Кстати, в моей коллекции хранятся два экземпляра редчайшей сегодня книги. Вторую «Параболу» Вознесенский прислал на адрес войсковой части, где я служил. Приятный сюрприз-«курьез»: он, видимо, забыл, что уже подписывал «Параболу». На этот раз автограф был таким: «Дорогой Феликс, с днем рождения тебя! Желаю тебе всего светлого, яркого, талантливого. Андрей Вознесенский. Москва, 22 июня 1962 года».

Рассказывал про орущего Никиту...

Еще в конце 60-х Вознесенский подробно, в шокирующих деталях рассказывал мне, как орал на него с кремлевской трибуны Никита Хрущев. Сейчас неадекватная выходка взбесившегося вождя растиражирована по многим телепрограммам, газетам и журналам, и его истерические выкрики знают почти наизусть, но тогда эта история была кроваво-свежа.

– Я не ожидал такой ярости по отношению ко мне от этого лысого партбонзы, – вспоминал Андрей Андреевич. – Он стал багровым, глазищи вылупились из орбит. Слюна летела во все стороны... Казалось, он сошел с ума.

– Ведь он, глава государства, человек с неограниченными возможностями, мог стереть тебя в порошок. Страшно было?

– Не думаю. Меня тогда очень поразила реакция первого человека страны, далекого от литературы, на мои стихи. Как заклинание он произносил: «партия», а я тщетно пытался вставить хоть слово...

Как это могло произойти? Почему завязла демократия, начатая в 60-х? Не вырвался ли из Хрущева джинн сталинского самодурства, которое он в себе подавлял? Он боялся полной демократизации – разрешал критиковать Сталина лишь в узком кругу партийной элиты. Доклад его не был опубликован. Думаю, одной из главных ошибок его было недоверие к творческой интеллигенции. Писавший антисталинские стихи Борис Слуцкий в результате травли сошел с ума и кончил дни в психиатрической больнице. Хрущев был далек от литературы. Его науськивали некоторые писатели. В случае с Пастернаком – А. Сурков, оклеветавший поэта, Софронов, кричавший на собрании, исключавшем Пастернака: «Вон из нашей страны!», Перцов, заявивший: «Что делать с господином Пастернаком? Пусть отправляется туда! Нельзя, чтобы он попал в переписку населения СССР».

Думаю, что Хрущев в крике своем «господин Вознесенский, вон из нашей страны!» бессознательно повторил прием, уже сработавший при проработке великого поэта. Но в данном случае он применил его ко мне, только входящему в литературу.

Что же, добавлю я, нет худа без добра, но нет и добра без худа. Трагикомедия «Никита против Андрея Вознесенского», став оглушительно-вселенским фарсом, сделала имя поэта настоящему культовым. Думаю, что ни одно более или менее заметное издание Европы и Америки не обошлось без публикации на эту тему. «Пиар» Вознесенского вышел по самой высокой планке. Конечно, чудовищная сцена в Голубом зале Кремля сильно попортила нервы поэту. Но он писал, готовил новую книгу, размышляя о том, какое было «тысячелетие на дворе».

Вскоре Хрущев слетел с политического Олимпа, а Вознесенский, став академиком нескольких гуманитарных академий мира, был выдвинут на Нобелевскую премию по литературе.

Наши дороги пересекались в Киржаче и Кургане

Без всякого преувеличения еще раз хочу сказать, что больше пятидесяти лет моей жизни, то есть с первого знакомства со стихами Андрея Вознесенского, прожиты под знаком его имени. Не рисуюсь, это правда. Оглядываясь назад, в те времена, когда был молод, вспоминая наше общение, думаю, что, не встретились бы мы с Андреем тогда во Владимире, моя жизнь прошла бы иначе.

Каюсь, правда, что не оправдал его надежд и бросил писать стихи. А ведь так вроде бы блистательно начиналась моя поэтическая карьера. Фактически с ничего, с каких-то трех-четырех стихотворений, понравившихся тогдашним корифеям советской поэзии. Но главное для меня – их заметил Андрей Вознесенский. Стихи публиковали в «Литературной России», журнале «Молодая гвардия», в «Днях поэзии», в коллективных сборниках, я участвовал в совещаниях молодых литераторов, организованных Союзом писателей Москвы, да и сам уже руководил литературным объединением.

При встречах Андрей подгонял: «Пиши, пиши, все лучшее в поэзии создано молодыми. Время летит...» Он как бы наполнял попутным ветром мои непрочные паруса.

Да, благодаря поэтам-шестидесятникам писание стихов стало фантастически популярным, а поэзия – делом тысяч и тысяч «юношей со взором горящим». Но, к счастью для себя, я рано понял, что истинных поэтов – немного. Так что выскажу на первый взгляд парадоксальную мысль: я благодарен Андрею и за то, что не стал поэтом.

Ведь именно его стихи были для меня путеводной звездой, маяком, той планкой, до которой дотянуться невозможно. А среди рифмоплетствующей толпы быть не хотелось. «Стихи не пишутся, случаются», – сказал Вознесенский. В моей судьбе они «не случились».

К тому же, безраздельно поглотили главные страсти моей жизни – журналистика и библиофильство.

Какое-то время я чувствовал неловкость: ведь сам Вознесенский толкал меня в литературу, писал рекомендательные записки руководителям отделов поэзии столичных газет и журналов, а я все дальше и дальше уходил в сторону от сочинительства. Но потом успокоился, понял: поэт проявлял доброе участие и к другим младолитераторам, давая им путевку на Парнас, поддерживая их. Наверное, помня о том, что когда-то его самого благословил великий Пастернак. Мое предположение Андрей Андреевич подтвердил, ответив в одном из последних интервью на вопрос журналиста, оправдали ли его ожидания поэты, которых он поддерживал (порой с избыточной щедростью): «Избыточной щедрости не бывает: ругать будут и без меня... Все талантливые поэты, которых я знал, предпочитали перехвалить, чем недохвалить: это касалось и Кирсанова, и Асеева, которых в свое время так же искренне перехвалил Маяковский, а тот начал с того, что его назвал гением Бурлюк...»

Хочу сказать, что ничего нет случайного в этом подлунном мире. И еще нет ничего сильнее в человеческом общежитии, чем землячество, общие корни, глубинная родословная. Оттуда черпаются силы, рождаются вечные дружбы, единение помыслов. Об этом говорят и автографы поэта на книгах, подаренных мне в разные годы:

«Феликс, дорогой! Это первый том нашего с тобой Владимира, твоей соловьиной молодости. Обнимаю тебя – и того, и сегодняшнего. Андрей Вознесенский. Переделкино» (Собр. соч. Том 1. М., «Художественная литература», 1983);

«Феликс, дорогой, до сих пор в душе, да и в этом томе звенят колокола Владимира и нашей юности – счастья тебе. Андрей Вознесенский» (Собр. соч. Том 3. М., «Художественная литература», 1986).

Какую же услугу оказывало мне провидение: наши тропы, наши дороги с Андреем удивительно совпадали. И он, и я по месту рождения москвичи, но детские годы провели в одних

и тех же местах: Андрей – в Киржаче, а я в десяти километрах от Киржача – в селе Головине, в годы войны Андрей с мамой жили в Кургане, я же оказался в этом городе в 1967 году.

В книге «На виртуальном ветру» (Вагриус, 1998) Вознесенский вспоминал:

«Мамина родня жила во Владимирской области. К ним я наезжал на каникулы. Бабушка держала корову. Когда доила, приговаривала ласковые слова. Ее сморщенные, как сушеный инжир, щеки лучились лаской. Ее родители еще были крепостными Милославских. «Надо же!» – думалось мне. Из хлева, соединенного с домом, было слышно, как корова вздыхала, перетирала сено, дышала. Так же дышали казавшиеся живыми бревенчатые стены и остывшая печь, в которой томилаась крынка топленого молока, запеченного до коричневой корочки. Сумраки дышали памятью крестьянского уклада, смешанного со щемящим запахом провинции...»

Если бы я сел за воспоминания о тех далеких годах, в этих воспоминаниях были бы те же самые атрибуты простой деревенской жизни в селе Головино у бабушки моей Марии Ивановны Ахапкиной. Отец воевал, мама наезжала из Москвы. Тоже помню корову (нашу звали Милка), пережевывающую сено в темном подворье и тяжело дышавшую, вкус парного молока и аромат облупленных куриных яиц, вынутых прямо из сенного гнезда и сваренных в чугушке. До смерти боялся я ночевать на сеновале, потому что в углу под скатом шевелились огромные пауки. И убегал куда-то за реку, если знал, что нынче мимо окон понесут на кладбище покойника. Вся деревенская жизнь проходила перед глазами. Все это, вместе взятое, называется «малой родиной».

Позже – и в юности, и во все последующие десятилетия – я много раз бывал в Киржаче, там живут мои друзья, туда я привозил потом из Москвы на литературные и артистические концерты знаменитых столичных персон. Киржаки любили часы удивительных встреч, затаив дыхание слушали Михаила Ульянова и Беллу Ахмадулину, Евгения Леонова и Валентина Гафта, Михаила Задорнова и Александра Иванова... В это трудно поверить, но я оказался одним из первых на месте гибели Юрия Гагарина в конце марта 1968 года. В тот трагический день я гостил у своих дальних родственников в деревне Новоселово, что возле того страшного квадрата, куда упал самолет космонавтов. До сих пор стоят перед глазами обгорелые деревья, яма, воронка от взрыва... Через несколько часов всю округу оцепили, и еще много недель никого не допускали на место трагедии.

В конце 60-х годов судьба забросила меня в город Курган, где я прожил три года, но только спустя двадцать лет узнал о том, что в этом городе прошло военное детство поэта.

... В 1979 году мы с моим другом, курганским журналистом Вячеславом Аванесовым, пришли в Центральный дом литераторов на творческий вечер Андрея Вознесенского.

Зал переполнен. Как всегда на выступлениях популярнейшего поэта, свободных мест не было, и мы расположились прямо на сцене, куда поставили дополнительные стулья. Поэт был в ударе – он вдохновенно и с присущим ему артистизмом читал новые стихи.

Для Славы тот вечер был особым событием. Ведь раньше он не видел прославленного поэта «живьем».

– Вот бы напомнить ему о Кургане! – сказал Слава.

– При чем здесь Курган? – недоуменно спросил я.

– А ты, прожив несколько лет в наших краях, разве не знаешь, что Вознесенский вместе с мамой жил в Кургане в эвакуации? Именно там он пошел в первый класс!

– Как же так? Работая в курганской областной газете, я ничего об этом не слышал... – расстроился я. – Сейчас же подойдем к Андрею, и я тебя с ним познакомлю.

После концерта на сцену за автографами рванула публика, но я, толкая Славу в спину, шептал: «Иди, иди!..»

Для Вознесенского неожиданная встреча и короткий разговор были как удар током: «Вы из Кургана?! Неужели? Я же в войну жил на Станционной улице...»

Снова шепчу Славе: «Позови его на выступление...». Воодушевленный реакцией Вознесенского, Слава робко приглашает его в Курган.

«А что? – спрашивает как бы сам себя Андрей и тут же торжественно заявляет: – Приеду. Обязательно».

Позже свою курганскую жизнь он опишет в мемуарных зарисовках «Мне четырнадцать лет. Рифмы прозы»: «В эвакуации мы жили за Уралом. Хозяин, который пустил нас, Константин Харитонович, машинист на пенсии, сухонький, шустрый, застенчивый, когда выпьет... Жилось нам туго. Все, что привезли, сменяли на продукты. Отец был в ленинградской блокаде. Говорили, что он ранен. Мать, приходя с работы, плакала. И вдруг отец возвращается – худющий, небритый, в черной гимнастерке и с брезентовым рюкзаком» (Собр. соч., том 1, М., «Художественная литература», 1983).

Вознесенский вспоминал и о том, что его знаменитое стихотворение «Гойя» родилось под впечатлением от альбома великого испанского художника, привезенного отцом в голодный город вместе с продуктами. Эти стихи, как трагический реквием войне, вошли во многие поэтические антологии мира.

В Кургане Андрей пошел в первый класс. Учился в 30-й железнодорожной школе – рядом с домом и вокзалом. Гудки паровозов будили его ночью. И не давали задремать во время уроков.

... Вернувшись в Курган, Слава только и думал о том, как организовать встречу поэта. И вдруг случай представился – местный обком готовил комсомольскую конференцию. Слава связался с Вознесенским по телефону, и тот подтвердил свое желание прилететь в Зауралье. По рассказам Аванесова, аппаратчик Сережа Еловских едва ли не прослезился, узнав, кто примет участие в комсомольском концерте. Эта новость прокатилась по зауральской столице ярчайшей кометой. Все стали ждать встречи.

Но... За два дня до радостного события моего друга вызвали в обком КПСС. «Сделайте все, чтобы Вознесенский к нам не приезжал. Иначе попрощаетесь с партбилетом». Подобные угрозы последовали и руководителю областной телерадиокомпании Геннадию Артамонову: «Приедет Вознесенский – останетесь без работы».

Слава недоумевал: за что такая немилость? Оказалось вот за что: «Вознесенский и его друзья опозорили нас перед всем миром. Самиздатовский «Метрополь» выпустили. Решили покрасоваться!..»

Зная местные идеологические нравы, Аванесов боялся вызова в КГБ. Казалось, что его вот-вот разорвут и выбросят на улицу. Но как сообщить об этом Андрею Андреевичу? Он позвонил мне. Дома не застал: мы с Вознесенским были в Муроме. Тогда Слава связался с Зоей Борисовной Богуславской и уклончиво пролепетал, что в данный момент в Кургане не готовы принять столь высокого гостя. Ему показалось, что жена поэта все поняла и разочарованно произнесла: «Андрей Андреевич расстроится. Ему так хотелось побывать в городе детства».

Вернувшись в Москву и узнав о случившемся, я орал в трубку своему расстроенному другу:

– Это срам, посмешище! Вознесенский – лауреат Государственной премии, перед ним открыты все двери. А ваш обком наложил в штаны...

Но что толку было орать...

Так курганские любители поэзии не встретились с прославленным поэтом, почти земляком...

Чуть позже Вознесенский подпишет Аванесову свою книгу «Витражных дел мастер»: «Вячеславу из Кургана с добрыми пожеланиями».

Я знаю, что Слава до сих пор, спустя тридцать лет, переживает из-за той несостоявшейся встречи курганцев с Андреем Вознесенским.

Курганский поэт Леонид Блюмкин, живущий ныне в Германии, прислал мне свою новую книжку, из которой я не могу не привести следующее стихотворение:

Несостоявшаяся встреча

Он свечи ставил во Владимире
за здоровье друзей и Русь,
где тьма и глушь непроходимые,
скрип черных не забыт «марусь».

Давно на оттепели изморозь,
ледком подернуты ручьи.
И жизнь, как женщина капризная,
то радуется, а то горчит.

В поэзии – среди кумиров он.
Его позвали за Урал,
где мальчиком эвакуированным
почти по-взрослому страдал.

Где спорил с пацанами здешними
и «Гойи» вынырнул росток.
Где ждал его с глазами нежными
тогда спасенный им щенок.

Миг детства с грустью и проказами
еще шершавым жжет огнем...
Но неожиданно отказано
ему во встрече с прошлым днем.

Лицо у власти перекошено,
в нем раздражение и страх:
непредсказуем гость непрошенный
из вольнодумного «Метрополя»,
что властные умы напряг.

Растерянно вздохнули улицы,
Курган подавленно молчал...
Поэт над свечкою ссутулился,
не скрыв обиду и печаль.

Но взгляд притягивался куполом,
где свет и поднебесный свод.
Рука в карман – и скомкан купленный

вчера билет на самолет.

Он то в Москве, то в дальней дальности.
То славы шум, то злой шумок...
Откуда-то из детской давности,
скуля, зовет его щенок.

«Спасибо, что не забыл и меня...»

С 13 по 15 марта 1978 года Московская писательская организация предложила организовать выставку из моей библиофильской коллекции «Первая книга поэта». Ее приурочили к литературно-творческой конференции «Молодые литераторы Москвы». В ту пору я, уже довольно известный коллекционер поэзии, представил свое собрание в престижном Центральном доме литераторов (ЦДЛ). Поглядеть на обложки редчайших первоизданий – от Блока и Цветаевой до Рубцова и Вознесенского – пришло много людей. Среди них Владимир Высоцкий с Мариной Влади. На стенде стояла роскошная, в кожу одетая книга отзывов. Заглянул на выставку и Андрей. Как я обрадовался его приходу! Хотя сам он книгособирательством не увлекался, увидев среди прочих первую книгу своего учителя Бориса Пастернака «Близнец в тучах», разволновался: «Знаешь, она у меня тоже есть, ее мне подарил сам Борис Леонидович».

«Спасибо, что не забыл и меня», – пошутил, увидев на стенде под стеклом свою «Мозаику».

В книге отзывов осталась его запись: «Трепет и восторг вызывает эта уникальная коллекция. Андрей Вознесенский. 13.3. 78».

Кусок решетки-святыни, спасенной поэтом

Вместе с первыми публикациями за Вознесенским тянется шлейф скандалов и пересудов. Позже он скажет: «Дальше от скандалов у меня никогда не получалось, хотя я дорого дал бы, чтобы их не было. Они привлекают внимание к автору, но отвлекают от стихов...»

Он становится головной болью для КГБ и цензоров. На него наваливаются записные литкритики, все чаще раздаются окрики из идеологического отдела ЦК. Но вступается один из самых авторитетных тогдашних поэтов, сподвижник Маяковского Николай Асеев, который публикует в «Литературной газете» статью «Как быть с Вознесенским?».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.